

Влияние цифровой трансформации на профессиональную идентичность будущего специалиста по работе с молодежью

О. Н. ВЕРИЧЕВА, С. В. БОЙЦОВА, Ю. В. РУМЯНЦЕВ, О. Б. СКРЯБИНА

АННОТАЦИЯ

Введение. Актуальность работы обусловлена стратегическими ориентирами международных организаций (ООН, ЮНЕСКО) и национальными документами, подчеркивающими приоритет цифровизации и необходимость подготовки молодежи к жизни в условиях неопределенности.

Целью исследования является выявление и анализ структурных компонентов и факторов влияния цифровой трансформации на процесс формирования профессиональной идентичности у студентов.

Материалы и методы. В анкетировании приняли участие — 100 студентов (бакалавров и магистров) направления «Социальная работа». Анкетирование проводилось анонимно в дистанционном формате в октябре-ноябре 2025 года с использованием специально разработанного инструмента. Обработка данных включала методы дескриптивной статистики и сравнительного анализа.

Результаты исследования. Установлено, что будущие специалисты демонстрируют высокий уровень интеграции цифровых инструментов в повседневную жизнь и в целом позитивно оценивают свои цифровые компетенции. Профессиональная идентичность находится в состоянии трансформации: традиционные ценности (живое общение, эмпатия, предметные знания) сохраняют ядерное положение, но активно дополняются цифровыми умениями. Студенты осознают необходимость новых профессиональных ролей в цифровой среде (специалист по цифровой безопасности, модератор онлайн-сообществ, аналитик данных). Большинство респондентов (72,6%) видят в цифровых технологиях, прежде всего, новые возможности для просвещения и вовлечения молодежи; (63,0%) отмечает, что технологии упрощают коммуникацию с молодежью. Оценка важности новых цифровых ролей (по 5-балльной шкале) показала, что наиболее значимыми студенты считают: специалист по цифровой безопасности и гигиене (средний балл – 4,21); модератор онлайн-сообществ и чатов (4,01); аналитик цифровых данных о молодежи (3,99); цифровой куратор (наставник в онлайн-пространстве) (3,92).

Заключение. Цифровая трансформация оказывает комплексное влияние на структурные компоненты профессиональной идентичности будущих специалистов по работе с молодежью, задавая новые требования к компетенциям и трансформируя ценностно-смысловые основания профессии. Результаты исследования указывают на необходимость модернизации образовательных программ через усиление практико-ориентированной и этико-рефлексивной составляющих, внедрение курсов по цифровым технологиям и гибридным моделям взаимодействия, а также учет региональных особенностей восприятия цифрового будущего при подготовке кадров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

профессиональная идентичность, цифровая трансформация, специалист по работе с молодежью, цифровые компетенции, высшее образование.

Для цитирования: Веричева О. Н., Бойцова С. В., Румянцев Ю. В., Скрябина О. Б. Влияние цифровой трансформации на профессиональную идентичность будущего специалиста по работе с молодежью // Перспективы науки и образования. 2026. № 4. С. 539–557. <https://doi.org/10.32744/pse.2026.4.35>

Поступила: 29.02.2026 | Одобрена: 18.05.2026 | Опубликована: 31.08.2026

Лицензия «С указанием авторства — С сохранением условий». Позволяет перерабатывать, исправлять и развивать произведения при условии указания авторства и лицензирования производных работ на аналогичных условиях.

The Impact of Digital Transformation on the Professional Identity of Future Youth Work Specialists

O. N. VERICHEVA, S. V. BOYTSOVA, YU. V. RUMYANTSEV, O. B. SKRYABINA

ABSTRACT

Introduction. The relevance of this study stems from the strategic guidelines of international organisations (the UN, UNESCO) and national documents emphasising the priority of digitalisation and the need to prepare young people for life in conditions of uncertainty.

The research aims to identify and analyse the structural components and factors forming the impact of digital transformation on the process of professional identity formation among students.

Materials and methods. The study involved 100 students (Bachelor's and Master's degree students) majoring in "Social Work". The survey was conducted anonymously via distance learning in October – November 2025 using a specially developed questionnaire. The data analysis involved methods of descriptive statistics and comparative analysis.

Results. It was found that future professionals demonstrate a high level of integration of digital tools into their everyday lives and, on the whole, rate their digital competences positively. Their professional identity is undergoing a transformation: traditional values (face-to-face communication, empathy, field-specific knowledge) remain central, but are actively complemented by digital skills. Students recognise the need for new professional roles in the digital environment (digital security specialist, online community moderator, data analyst). The majority of respondents (72.6 per cent) see digital technologies, first and foremost, as offering new opportunities for educating and engaging young people; (63.0 per cent) note that technologies simplify communication with young people. An assessment of the importance of new digital roles (on a 5-point scale) showed that students consider the following to be the most significant: digital security and hygiene specialist (average score – 4.21); online community and chat moderator (4.01); youth digital data analyst (3.99); digital tutor (online mentor) (3.92).

Conclusion. Digital transformation has a multifaceted impact on the structural components of professional identity of future youth work specialists, setting new requirements for competencies and transforming the value-based foundations of the profession. The research findings point to the need to modernise educational programmes by strengthening their practice-oriented, ethical and reflective components, introducing courses on digital technologies and hybrid interaction models, and taking into account specific regional perceptions of the digital future when training staff.

KEYWORDS

professional identity, digital transformation, youth work specialist, digital competences, higher education

For Citation: Vericheva, O. N., Boytsova, S. V., Rumyantsev, Yu. V., & Skryabina, O. B. (2026). The Impact of Digital Transformation on the Professional Identity of Future Youth Work Specialists. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* = *Perspectives of Science and Education*, (4), 539–557. <https://doi.org/10.32744/pse.2026.4.35>

Received: 29 February 2026 | Approved: 18 May 2026 | Published: 31 August 2026

This is an open access article distributed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike International License (CC-BY-SA 4.0) that allows others to share the work with an acknowledgement of the work's authorship and initial publication in this journal

ВВЕДЕНИЕ

Подготовка специалистов по работе с молодежью является ключевой задачей современного общества. Для ее решения применяются разнообразные подходы, включая традиционные и инновационные методики, а также их сочетания. Постоянные общественные трансформации, цифровизация, влияющие на жизнь и личность каждого гражданина, диктуют необходимость непрерывного совершенствования образовательных процессов, особенно в области профессиональной подготовки будущих кадров.

Во-первых, в молодежной стратегии ООН «Молодежь 2030», утвержденной от 24 сентября 2018 г. в Нью-Йорке, работа с молодежью и в интересах молодежи определена как пятая и приоритетная задача стратегии — повышение жизнестойкости молодежи, оказание поддержки молодым людям как катализаторам мира, безопасности и гуманитарной деятельности [1, с. 12].

Во-вторых, по данным ООН, в мире проживает 1,8 млрд. молодых людей — самое большое число за всю историю человечества. Почти 90 — % всех молодых людей проживают в развивающихся странах [1, с. 4].

В-третьих, генассамблея ООН в 22 сентября 2024 года в Нью-Йорке приняла Глобальный цифровой договор (Global Digital Compact, GDC), который определяет основы безопасного и инклюзивного цифрового мира для всех, в том числе и для молодежи. К основополагающим принципам цифровой трансформации согласно этому документу относятся: универсальное подключение (доступ к интернету), права человека в интернете и цифровом пространстве, цифровая инклюзивность и равенство, безопасная и защищенная цифровая среда, укрепление доверия к технологиям [2].

В-четвертых, в соответствии с Декларацией по молодежной политике и программам «Лиссабон +21», принятой ЮНЕСКО в 2019 определен один из ведущих принципов молодежной политики в работе с молодежью. В частности, в восьмом принципе декларации отмечается, что министры молодежной политики должны «содействовать созданию благоприятных условий для молодежи путем уважения общественных свобод, поощрения возможностей добровольчества для всех молодых людей, в частности молодых людей с инвалидностью, трансграничных программ молодежного обмена, поощрения и поддержки создания независимых молодежных советов и организаций, движений и сетей. Формы молодежной работы и досуговых мероприятий, реализуются через поощрение внутренних принципов демократии, участия и гендерного равенства, с тем, чтобы молодежь могла выступать в качестве проводника перемен» [3, с. 5].

В-пятых, успешная трансформация молодежи понимается через преобразование профессионального образования. Например, в Стратегии ЮНЕСКО на 2022-2029 гг. «Преобразование технического и профессионального образования и подготовки для успешной и справедливой трансформации» обосновывается содержание трансформации. В понятие «трансформация» входит: демографическая трансформация (высокая доля молодежи и пожилых людей); технологические изменения (цифровая трансформация) цифровизация и автоматика разрушат и создадут рабочие места, поэтому потребуется подготовка, повышение квалификации и переподготовка в профессиональном образовании. В понятие «трансформация» также входит зеленая и устойчивая экономическая трансформация (нулевые выбросы должен стать международным императивом); социальные и политические вопросы (социально-политическая трансформация) предполагает сокращение бедности и неравенства; неформальная занятость (самозанятость); восстановление экономики [4, с. 8].

В-шестых, согласно данным социологического исследования, проведенного в 2021 году в десяти регионах Сибирского федерального округа, выявлены установки молодежи в отношении своего будущего в условиях цифровой трансформации: установка — процессы в будущем станут цифровыми присуща жителям Республики Хакасия (26,7%). Меньше всего эту установку разделяет молодежь, проживающая в Алтайском крае (6,5%), Кемеровской и Иркутской областях (10,0%). В процессе цифровой трансформации определена значимость человека в разработке и управлении информационными технологиями. Эта установка поддержана молодежью в Кемеровской и Новосибирской области (около 37% в каждом регионе), в Республике Алтай (20,0%) [5, с. 129].

Представленные нормативные документы и статистические данные обосновывают и создают важный контекст, определяющий масштаб и актуальность проблемы формирования профессиональной идентичности в современных условиях. Международные и национальные стратегии, фиксируя приоритет работы с молодежью и вектор цифровизации, задают внешние требования к профессии. Социологические исследования, в свою очередь, демонстрируют неоднородность восприятия цифрового будущего среди самой молодежи в различных регионах, подчеркивая субъективную сложность данного процесса.

Синтез процессуально-динамического подхода к идентичности, структурно-компонентной модели профессиональной идентичности и многомерного понимания цифровой трансформации формирует необходимую теоретическую основу. Она позволяет переформулировать проблему из констатирующей («цифровая трансформация предъявляет новые требования») в исследовательскую. Мы исследуем внутренние механизмы цифровой трансформации, которые выступают как ключевой фактор социальной и профессиональной реальности, влияют на динамику и структурные компоненты профессиональной идентичности будущего специалиста по работе с молодежью. Последующее изложение будет посвящено разворачиванию данной проблематики на основе обозначенного концептуального научного поля исследования.

В современных научных подходах термин «идентичность» получил широкую оценку и варианты применения. Традиционные подходы к трактовке понятия приставлены через тождественность, усвоение и принятие персонального опыта. В классических русских переводах философских текстов понятие «идентичность» и близкие к нему термины звучат как «тождество», «тождественность», и рассматривались в философских подходах Античного периода [6, с. 223].

Широкое применение термина нашло отражение в работах Э. Эриксона. В структуру понятия автором введены три уровня: индивидуальный, личностный, социальный [7, с. 242]. Рассмотрение векторов и условий процесса «идентичности» нашли отражение в исследованиях Г.М. Андреева, Е.П. Белинской, М. В. Заковоротной и других.

С позиции определения функций «идентичности» выделяют:

- адаптационную (способность адаптироваться к требованиям среды);
- ориентационную (получение необходимой информации для успешного функционирования в обществе);
- структурную (создание четкого и организационного представления о собственном «Я»);
- экзистенциальную (осмысление внутренней сущности и направления личности) [8, с. 10].

Согласно процессуально-динамическому подходу О.В. Лукьянова, идентичность представляет собой целостный феномен, развивающийся посредством непрерывного диалектического взаимодействия индивидуальных и социальных аспектов личности. Человека в данном подходе рассматривают как открытую систему, находящуюся в постоянном развитии, а идентичность воспринимается именно как динамический процесс, а не статичная структура, обеспечивающая стабильность представления индивида о самом себе. Лукьянов подчеркивает, что самоидентичность не сводится к отдельной психологической структуре, предназначенной для поддержания неизменности «Я» во времени и пространстве, и не является результатом функционирования какой-то особой структуры личности, осуществляющей идентификационную функцию. Вместо этого, самоидентичность понимается как постоянный процесс формирования идентичности, сопровождаемый индивидуальным развитием и выступающий способом существования человека. Самоидентичность в данном ракурсе, прежде всего, вопрос ценностно-смыслового устройства жизненного пространства человека [9, с. 7].

Одним из векторов, направлений жизненной траектории выступает профессиональный компонент. Именно от него во многом зависит экономическое, психологическое и социальное благополучие. Широкое обсуждение подходов к проблеме «профессиональной идентичности» было на этапе 1950-1970 гг. В рамках исследовательских трактовок, подходов нет единства, общей модели. Одним из первых исследователей в данном аспекте стал Д. Е. Сьюпер, рассматривающий вопрос профессиональной зрелости и в дальнейшем разработавший периодизацию профессионального становления человека и стадии развития личности как профессионала.

Согласно данной концепции выделяется первый этап как стадия «пробуждения», характеризуется идентификацией ребенка или подростка со значимым взрослым [10, с. 257]. Центральная

идея концепции профессионального развития автора заключается в том, что человек выбирает профессию исходя из собственной Я-концепции, сопоставляя ее с особенностями своей будущей деятельности. Анализируя представления индивида о самом себе, можно спрогнозировать область, в которой он достигнет наибольшего успеха.

В рамках общих теоретических подходов профессиональная идентичность представляет собой итог профессионального самоопределения индивида, считающего свою профессию призванием. Это означает не просто идентификацию с определенной профессией, сферой деятельности, а обретение экзистенциальной ясности собственного самосознания. Значимым фактом является, что профессиональная идентичность формируется не только с началом трудовой деятельности, но и уже в период раннего взросления человека, на этапе освоения необходимых навыков и компетенций.

Научные исследования профессиональной идентичности, связаны с поиском характеризующих факторов. Большинство исследователей выделяют три ключевых аспекта, характеризующих данный процесс:

- профессиональный аспект (знание субъектом содержания своей работы, особенностей трудовой деятельности и требований, предъявляемых профессией);
- личностный аспект (ориентация на развитие собственных способностей и возможностей, стремление к самосовершенствованию);
- социальный аспект (понимание значимости профессии в обществе, перспектив карьерного роста, условий труда и востребованности специалистов конкретной сферы).

Согласно данной концепции, профессиональная идентичность формируется путем интеграции когнитивной составляющей (наличия профессиональных знаний и компетенций), эмоциональной составляющей (отношение к профессии, чувство гордости и удовлетворения) и поведенческой составляющей (активная деятельность по повышению квалификации). Именно синтез этих компонентов определяет сформированность профессиональной идентичности («достигнутая»), позволяющей человеку ставить ясные профессиональные цели, обладать необходимыми профессиональными качествами и ощущать принадлежность к определенному сообществу профессионалов [11, с. 169].

Оценка подходов к профессиональной идентичности связана с общим формирующим вектором жизненной траектории человека. Профессиональная идентичность будущего специалиста по работе с молодежью рассматривается с точки зрения:

- психологического подхода как (развитие профессиональных ценностей, компетенций, мастерства);
- социально-конструктивного (связан с влиянием различных факторов, выполнением социальных ролей);
- культурного (национально-культурные особенности, традиции определяют траекторию профессиональных интересов);
- организационного (связан с корпоративной культурой, системой продвижения по карьерной лестнице, профессиональным лифтом);
- индивидуально-дифференцированного (личностный маркер, внутренние установки, побуждения).

Фактически профессиональная идентичность представляет собой комплексный процесс, зависящий от множества внутренних и внешних факторов. Процесс оказывается сложно структурированным: в нем можно выделить нормативные элементы, мотивационно-ценностные установки, поведенческие проявления [12, с. 389].

Процесс обучения на всех этапах обязан способствовать развитию профессиональной идентичности человека, формировать мировоззренческий, деятельностный, коммуникативный, рефлексивный, информационный, цифровой компоненты. Важнейшим условием в современной ситуации, является процесс цифровизации, внедрение цифровых технологий, процессов сопровождающих человека в профессиональной сфере, быту, коммуникации.

Цифровизация в целом рассматривается как процесс внедрения цифровых технологий и инструментов в различные сферы жизнедеятельности человека, общества, экономики, в деятельность органов государственной власти. В условиях конкретной организации, предприятия важнейшим компонентом выступает формирования безопасной цифровой среды, информационного, интернет - пространства. В рамках данного процесса важнейшим фактором является рассмотрение вопросов цифровой трансформации.

Цифровая трансформация в рамках законодательного регулирования рассматривается как процесс внедрения современных цифровых технологий и инструментов в деятельность государственных органов, организаций, направленный на повышение эффективности управления, взаимодействия, улучшения качества жизни, защиту интересов человека. Данный процесс включает разработку и принятие нормативно-правовых актов, регламентирующих цифровую инфраструктуру, внедрение инновационных решений в рамках электронных, информационных услуг. В условиях реализации процесса цифровой трансформации реализуется пакет документов, в основе которого Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы (утверждена Указом Президента РФ от 9.05.2017 №203). Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации был разработан национальный стандарт Цифровая трансформация. Основные принципы, этапы и результаты (2024 г.), где в основе подхода комплексный процесс, связанный с радикальными изменениями в системе.

В научных подходах термин «цифровая трансформация» имеет неоднозначную трактовку. Первые подходы к оценке были представлены в исследованиях зарубежных авторов М. Клейнера, М. Портера, Э. Шеноуса и др. В российской научной школе данный аспект рассматривается в работах Е.М. Бурнаева, Е.Г. Ефимова, К.К. Колина и др.

В большинстве подходов цифровая трансформация представлена, как процесс кардинального изменения бизнес-модели предприятия и ее элементов, включая процесс создания и доставки ценности клиенту посредством реализации проектов с использованием цифровых технологий, в основе которых лежит эффективное управление информацией [13, с. 222].

В исследовании А.О. Темникова определены четыре ключевых аспекта затрагивающие рассмотрения термина «цифровая трансформация»:

- инструменты цифровой трансформации, такие как цифровые технологии;
- эффекты от реализации инициатив по цифровой трансформации;
- основные направления в рамках цифровой трансформации;
- характер внедряемых изменений, их радикальность [13, с. 223].

В большей степени акцент делается на траекторию изменений в сторону повышения качества услуг, цифровых компетенций человека, изменения модели взаимодействия. Цифровая трансформация — это процесс интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь человека и деятельность компаний, направленный на повышение эффективности, оптимизацию процессов и увеличение продуктивности. Она подразумевает коренную перестройку всех аспектов функционирования организации и переход от традиционных методов управления к современным цифровым инструментам. Данный влияющий фактор связан и с включенностью цифровых процессов в жизнь каждого человека.

Цифровая трансформация имеет ключевое значение, для современного общества, в развитии личности. В рамках оценки подходов в перспективах научного осмысления данного процесса ученые и практики выделяют ряд векторов, к числу которых относят: человекоцентричный подход; необходимость обучения цифровым навыкам; концепцию непрерывного обучения; современные методы обеспечения устойчивого развития [14, с. 192].

Технологические, цифровые процессы, происходящие в стране напрямую, относятся к деятельности специалистов социальной сферы, в том числе по работе с молодежью. На современном этапе цифровизация и цифровая трансформация являются катализатором преобразований, что требует новых подходов в организации деятельности, формированию государственной молодежной политики. В рамках реализуемых стратегических подходов акцентируется внимание на повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти и молодежи, создание возможностей для самореализации. В том числе с применением широкого спектра цифро-

вых платформ, при развитии цифровых и информационных компетенций как самой молодежи, так и специалистов работающих с данной социально-демографической группой (Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» от 17.08.2024 № 2233-р).

Акцент в организации социальной работы с молодежью сделан на использовании технологии открытых данных и интерактивных инструментов обратной связи, что дает обеспечение в реализации диалога и продуктивной коммуникации между основными участниками, к числу которых относят молодых людей и специалистов, работающих в сфере государственной молодежной политики. Реализация мероприятий, программных приоритетных направлений реализуется специалистами по работе с молодежью. Деятельность данных сотрудников осуществляется в рамках профессионального стандарта «Специалист по работе с молодежью», утвержденного приказом министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 12.02.2020 № 59 н. В ходе реализации профессиональных задач специалист по работе с молодежью должен обладать спектром компетенций, в том числе цифровых. Связано это с информационной грамотностью, цифровой коммуникацией, пониманием технических процессов и программных продуктов.

Необходимые знания акцентируются на умении владеть цифровыми технологиями, вопросах безопасности при работе с цифровыми инструментами, механизмами распространения информации в интернет - ресурсах.

В рамках профессиональных запросов делается акцент на «гибкие», надпрофессиональные, «социальные» компетенции, которые способствуют личностному успеху и личностному росту. В ракурсе современной траектории специалист может выступать в нескольких ролях как: производитель информации, ее потребитель, владелец, цифровой субъект, коммуникатор, интегратор, вертикальный или горизонтальный координатор, субъект и объект цифрового управления [15, с. 200].

В современной ситуации цифровизация всех секторов экономики, развивающаяся цифровая среда выступает ключевым фактором, влияющим на население, параметры профессиональной культуры, систему коммуникации, логистики. Базовым условием, влияющим и формирующим профессиональную траекторию молодежи, выступают иные смысловые ориентиры, связанные с выбором профессии, построением карьеры, адаптации к новым рискам в ходе трудовой деятельности.

В рамках исследовательских парадигм отмечается тезис, о влиянии цифровой среды как фактора, задающего профессиональные ориентиры, отношение к построению карьеры, представления о будущем и продуктивных стратегиях поведения [16, с. 231]. Учет факторов, влияющих на формат получения образования, выделен в рамках реализации распоряжения Правительства Российской Федерации «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» от 21.12.2021 №3759-р. В основе целевой установки документа — достижение высокого уровня «цифровой зрелости» всех участников образовательного и научного процесса.

Система построения индивидуальной профессиональной траектории выпускника строится с учетом влияние процесса цифровизации, цифровой коммуникации, оценки трудовых рисков через применения искусственного интеллекта. Данный аспект нашел отражение в ряде исследований российских ученых и практиков (С.Г. Давыдов, О.С. Логунова, М.В. Мороз и др.).

Широкий потенциал включенности цифровой модели поведения в оценке трека выбора профессии, включенности в трудовые отношения рассматривается как специфика, особенность поколения «Z» (учет теории «поколений»). Данная парадигма учитывает ключевой подход к организации подготовки специалистов по социальной работе связанный с построением цифровой образовательной среды как в рамках индивидуальной траектории, повышение его мотивации к обучению, труду, персонифицированной ответственности, так и при условии акцента на общественно-значимые установки, государственный заказ на компетенцию работника.

В рамках поставленной к специалистам, работающим с молодежью задачи подчеркнутой в профессиональном стандарте, национальных стратегических целях развития страны подчеркнуты базовые риски, векторы, требующие оценки и решения. К числу таких относят вопросы цифровой гигиены, культуры и этики; поддержка социальной активности и гражданской вовлеченности через интернет-платформы; повышение безопасности интернет-ресурсов; оценка эффективности информационной среды центров, клубов, площадок для реализации молодых граждан и работе с данной категорией населения.

Проведенная оценка теоретических и практических подходов к деятельности специалиста работающего с молодежью показала, что он должен обладать цифровыми, информационными компетенциями. Актуальность формирования и развития данных умений обусловлена требованиями информационно-цифрового общества, безопасностью. Компетентностное развитие специалистов в данной области можно рассмотреть в двух ракурсах. Во-первых, специалистам по работе с молодежью необходимы компетенции для жизни в ситуации неопределенности, с другой — им также необходимы компетенции по подготовке молодежи к жизни в ситуации неопределенности [17, с. 26].

Новая траектория профессионального становления и развития специалистов, работающих с молодежью, требует поиска новых гибридных, комплексных подходов учитывающих современные вызовы. К числу проблемных факторов относят: информационная перегрузка, цифровая зависимость. Данные факторы необходимо учитывать при подготовке специалистов к работе с молодежью, формировании значимых установок в организации компетентностной модели сотрудника социальной организации. В рамках практико-ориентированного подхода цифровая трансформация вносит значимый вклад в формировании новой модели молодежной организации, со значимым в ней сотрудником, непосредственно взаимодействующим с целевыми группами молодежи. При этом происходит провокация серьезных рисков, вызовов с которыми этот сотрудник молодежного центра может столкнуться.

Задача системы образования — подготовить будущего специалиста к варианту преодоления данных проблем, с учетом постоянного их нарастания, изменения, обострения ситуации. Акцент на ценностные ориентиры — одна из ключевых задач стоящая перед специалистами. В условиях ускоренной цифровой трансформации ключевой задачей становится развитие цифровой грамотности молодежи, формирование критического мышления и осознание рисков, связанных с влиянием цифровой среды [18, с. 86].

Оценка практических подходов в рамках цифровых изменений связана с расширением возможностей по включенности широкого круга молодежи в мероприятия различной направленности, целевых установок. В рамках повышения профессиональной компетентности делается акцент на разработку и реализацию образовательных программ и курсов, в основе которых не только обучение цифровым технологиям, но и вопросы цифровой безопасности, моделирование коммуникации в рамках применения искусственного интеллекта, анализ и оценка потенциала применения цифровых платформ для повышения эффективности в работе с молодежью.

Вариантом включенности широкого круга молодежи в организуемые мероприятия, продвижению социально-значимых инициатив данной категории населения является формирование цифровых сообществ, инициатором которых становятся как сами молодые люди, так и сотрудники центров. Такие площадки способствуют развитию сетевого взаимодействия и формированию новых форм сотрудничества.

Повышение профессиональной активности специалистов социальной сферы напрямую связано с продвижением проектов по поддержке стартапов, инициатив. Конкурсы, акселераторы, хакатоны позволяют не просто выявить интересные идеи и поддержать их, а стимулируют профессионально и личностно развиваться, это наиболее актуально для молодых специалистов.

Современное цифровое пространство дает возможность специалистам по работе с молодежью расширять коммуникационные каналы. Использовать варианты взаимодействия, более продуктивно и оперативно. Изучать и вести мониторинг по значимым для молодых граждан проблемам. Видеть аспекты напряженности в разрезе различных категорий, обобщенных социальных проблем.

Реализующаяся на системном основе цифровая трансформация оказывает глубокое влияние на подготовку специалиста по работе с молодежью, его деятельность и постоянное совершенствование формируемой модели цифровой среды организаций. В области реализуемых моделей специалист по работе с молодежью чаще всего использует программный, проектный подход, формируемый в рамках и с применением искусственного интеллекта. Цифровизация процесса организации и сопровождения деятельности специалиста и активная «цифровая» жизнь молодых людей выстраиваются в новую траекторию, в основе, — которой — умение адаптироваться к быстро меняющимся условиям цифровой среды. Эта траектория формирует новые требования к образованию, профессиональной подготовке и личностному развитию, ориентированные на успешную реализацию потенциала каждого человека в условиях цифровой экономики и общества.

Целью исследования является: выявление и анализ структурных компонентов и факторов влияния цифровой трансформации на процесс формирования профессиональной идентичности у студентов — будущих специалистов по работе с молодежью.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к понятиям «профессиональная идентичность» и «цифровая трансформация» в контексте социальной работы с молодежью.
2. Определить ключевые векторы влияния цифровых технологий на содержание и контекст профессиональной деятельности с молодежью.
3. Провести эмпирическое исследование для выявления представлений, установок и форм, способствующих формированию у будущих специалистов профессиональной идентичности в связи с цифровой трансформацией.
4. Разработать практические рекомендации по совершенствованию образовательных программ и профессиональной подготовки будущих специалистов по работе с молодежью, с учетом влияния цифровой трансформации на формирование их профессиональной идентичности.

Гипотеза исследования. Цифровая трансформация оказывает неоднозначное и многоуровневое влияние на формирование профессиональной идентичности будущих специалистов по работе с молодежью. В частности, можно ожидать, что:

- высокий уровень цифровых компетенций у студентов коррелирует с более устойчивой и осознанной профессиональной идентичностью, способностью адаптироваться к новым цифровым реалиям молодёжной среды.
- региональные различия в восприятии цифрового будущего (как показано в социологическом исследовании по Сибири) влияют на вариативность профессиональной идентичности и требуют дифференцированного подхода в подготовке специалистов.
- интеграция цифровых технологий в образовательный процесс способствует формированию гибкой профессиональной идентичности, ориентированной на роли коммуникатора, интегратора и координатора в цифровой среде.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическое исследование, направленное на выявление структурных компонентов профессиональной идентичности и оценку влияния цифровой трансформации, позволило получить данные, характеризующие ключевые аспекты этого процесса. В опросе приняли участие 100 студентов, что обеспечивает репрезентативность для проведения количественного анализа основных тенденций. Результаты представлены по следующим аналитическим блокам: цифровые практики и компетенции, структура профессиональной идентичности, восприятие цифровой трансформации профессии, оценка образовательной подготовки и прогнозы на будущее.

Информация о выборке. Объём выборочной совокупности составил 100 студентов. В рамках эмпирического исследования были опрошены студенты, обучающиеся по направлению «Социальная работа» (95,9% — бакалавры, 4,1% — магистры). Большинство респондентов составляют лица женского пола 78,1%, и 21,9% — мужского, обучающиеся на заочной 56,2% и очной 37,0% формах. Все опрошенные являются гражданами Российской Федерации. Возрастной диапазон респондентов — от 18 до 54 лет, с концентрацией в группе 19–23 года (около 55%).

Информация об анкетировании. Сбор эмпирических данных осуществлялся методом анонимного анкетного опроса в период с октября по ноябрь 2025 года. Анкетирование проводилось в дистанционном формате с использованием онлайн-платформы. Инструментом исследования послужила специально разработанная структурированная анкета, включавшая 25 вопросов. Анкета была размещена по адресу: <https://forms.yandex.ru/u/6970daec6d2d73e0070b6215>

Содержание анкеты было структурировано в соответствии с ключевыми концептами исследования и включало следующие смысловые блоки:

- социально-демографические характеристики респондента (пол, возраст, образование, форма обучения);
- цифровые практики и самооценка компетенций (частота использования цифровых инструментов в различных сферах, оценка уровня цифровых компетенций);
- восприятие цифровых технологий и цифровой трансформации профессии (многовариантный вопрос об аспектах влияния технологий, вопрос о восприятии изменений профессии);
- структура профессиональной идентичности (выбор ядерных компонентов идентичности, оценка важности новых цифровых ролей специалиста по работе с молодёжью);
- образовательный контекст (оценка готовности образовательной программы к цифровой трансформации, опыт использования цифровых технологий на практике, потребность в дополнительном обучении);
- тревоги и прогнозы на будущее (опасения, связанные с цифровизацией профессии, открытый вопрос о видении рабочего дня через 5 лет).

Большинство вопросов анкеты были закрытыми, с использованием шкалы R. Likert, множественного выбора и категориальных шкал. Участие в опросе было добровольным, информированное согласие подразумевалось фактом заполнения анкеты.

Для достижения поставленных задач был использован метод анкетного опроса (однократное анкетирование) с применением специально разработанного инструментария. Содержание анкеты было операционализацией теоретически выделенных компонентов профессиональной идентичности и аспектов цифровой трансформации, что обеспечило валидность собираемых данных. Основное внимание в процессе анализа уделялось не только констатации распространённости тех или иных установок, но и выявлению взаимосвязей между переменными (например, между уровнем цифровых компетенций и структурой профессиональной идентичности).

Опытно-экспериментальное исследование реализовано нами в три этапа.

Подготовительно-проектировочный этап (ноябрь 2025 года). В ходе данного этапа были решены следующие задачи: проведён теоретический анализ научной литературы по проблемам профессиональной идентичности и цифровой трансформации в социальной сфере; сформулированы цель, задачи и гипотеза исследования; разработан и апробирован инструментарий — структурированная онлайн-анкета; сформирована целевая выборка респондентов с учётом критериев курса, формы обучения и направления подготовки. Операционно-эмпирический этап (декабрь 2025 года). На данном этапе было проведено анкетирование респондентов в дистанционном формате с соблюдением принципов добровольности и анонимности; осуществлена первичная проверка, очистка и кодировка анкет для подготовки данных к статистической обработке; сформирован массив данных, готовый для последующего анализа. Аналитико-обобщающий этап (январь 2026 года). На завершающем этапе были применены следующие методы обработки и анализа данных: математико-статистические методы (проведён частотный (дескриптивный) анализ для выявления общей структуры ответов и распределения мнений по всем вопросам анкеты, рассчитаны средние значения и медианы для оценочных шкал). Метод сравнительного анализа: для проверки гипотез о вариативности профессиональной идентичности осуществлено сопоставление данных, полученных от подгрупп респондентов (например, с разным уровнем цифровых компетенций, разными формами обучения). Метод теоретического обобщения и интерпретации: результаты количественного анализа были интерпретированы в контексте теоретической базы исследования, что позволило сформулировать содержательные выводы о характере влияния цифровой трансформации на структурные компоненты профессиональной идентичности.

Таким образом, применённый комплекс методов (теоретический анализ, анкетный опрос, дескриптивная статистика) обеспечил решение поставленных задач и позволил получить релевантные эмпирические данные для проверки рабочей гипотезы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенный теоретический анализ позволил систематизировать ключевые научные подходы к пониманию феноменов «профессиональная идентичность» и «цифровая трансформация», а также выявить основные векторы их взаимовлияния в контексте подготовки специалистов по работе с молодежью. Было установлено, что цифровая трансформация выступает комплексным фактором, оказывающим воздействие на когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты формирующейся профессиональной идентичности, детерминируя как новые требования к компетенциям, так и трансформацию ценностно-смысловых оснований профессии.

Вместе с тем, анализ литературы выявил недостаточную изученность конкретных механизмов и структурных взаимосвязей этого влияния на уровне восприятия и самооценки самих будущих носителей профессии. Существующие исследования зачастую носят макроуровневый характер, акцентируя нормативные требования и стратегические тренды, но оставляя в тени субъективное измерение этого процесса — то, как сами студенты конструируют свою профессиональную идентичность в условиях цифровизации, какие новые роли они считают значимыми и с какими вызовами связывают свое профессиональное будущее.

В этой связи, для верификации теоретических положений и получения репрезентативных данных о субъективном восприятии цифровой трансформации, была организована и проведена эмпирическая часть исследования. Его основная цель заключалась в операционализации выделенных теоретических категорий и выявлении структурных компонентов профессиональной идентичности, находящихся под влиянием цифровых изменений. Логика эмпирического исследования была определена решением следующих задач: 1) оценить уровень цифровых компетенций и практик будущих специалистов; 2) выявить ядро их профессиональной идентичности и восприятие трансформации профессии; 3) определить значимость новых цифровых ролей и оценить готовность образовательной программы к цифровой трансформации; 4) зафиксировать образовательные запросы студентов в данной сфере.

1. Цифровые практики и самооценка компетенций. Анализ частоты использования цифровых инструментов в различных сферах выявил высокую степень их интеграции в повседневную жизнь студентов. Для личного общения цифровые инструменты используются постоянно 78,1% респондентов, для учёбы — 52,1%. В профессиональном развитии и организации мероприятий цифровые технологии применяются несколько реже («постоянно» и «часто» — около 65–70% ответов), что может указывать на недостаточность практического опыта или соответствующей учебной нагрузки.

Самооценка уровня цифровых компетенций в целом позитивна: 42,5% оценили его как «выше среднего», 35,6% — как «средний», а 21,9% — как «высокий». Это свидетельствует о том, что будущие специалисты в основном уверены в своих цифровых навыках, что является важной предпосылкой для формирования профессиональной идентичности в условиях цифровизации.

2. Восприятие цифровых технологий и трансформации профессии. Большинство респондентов (72,6%) видят в цифровых технологиях, прежде всего, новые возможности для просвещения и вовлечения молодёжи. Значительная часть 63,0% отмечает, что технологии упрощают коммуникацию с молодёжью. Вместе с тем, почти 40% опрошенных осознают сопутствующие риски (кибербуллинг, дезинформация), а около трети (32,9%) признают, что цифровизация может усложнять живое межличностное взаимодействие.

Отношение к цифровой трансформации самой профессии неоднозначно. Две трети студентов (66,7%) считают, что профессия меняется, но её ядро, основанное на живом общении, остаётся неизменным. Четверть респондентов 25,8% ожидают кардинальных изменений с появлением новых цифровых функций. Лишь 7,6% полагают, что профессия практически не меняется, а технологии играют вспомогательную роль.

3. Структура профессиональной идентичности и новые цифровые роли. На вопрос о ядре профессиональной идентичности (не более 3-х вариантов) респонденты выделили следующие компоненты: навыки живого общения и эмпатии — 67,1%; знания в психологии, педагогике, социологии — 58,9%; умение использовать цифровые технологии в работе — 48,0%; способность быть наставником и ролевой моделью — 46,6%.

Таким образом, традиционные гуманистические и коммуникативные компетенции сохраняют приоритет, но цифровые умения уже прочно входят в структуру профессиональной идентичности будущего специалиста. Оценка важности новых цифровых ролей (по 5-балльной шкале) показала, что наиболее значимыми студенты считают: специалист по цифровой безопасности и гигиене (средний балл – 4,21); модератор онлайн-сообществ и чатов (4,01); аналитик цифровых данных о молодёжи (3,99); цифровой куратор (наставник в онлайн-пространстве) (3,92).

Высокие оценки этих ролей подтверждают, что будущие специалисты осознают необходимость совмещения традиционных функций с задачами цифровой среды: обеспечения безопасности, управления онлайн-сообществами, работы с данными и дистанционного наставничества.

4. Подготовка в вузе и образовательные потребности. Только 27,9% респондентов считают, что их образовательная программа в полной мере готовит их к цифровой трансформации (есть специальные курсы). Большинство 60,3% указывают на фрагментарность этой подготовки (элементы включены в разные предметы). На практике чаще всего используются такие цифровые форматы, как работа с данными 58,9% и создание мультимедийных материалов 35,6%.

Рисунок 1 Потребности студентов в дополнительном обучении в области цифровизации

Соответственно, выявлена выраженная потребность в дополнительном обучении. Наибольший запрос касается навыков создания мультимедийного контента 39,7%, работы с данными и аналитики 35,6%, а также Social Media Marketing (SMM) и продвижения в социальных сетях 34,3%.

5. Прогнозы на будущее. Ключевые тревоги, связанные с цифровизацией профессии, концентрируются вокруг этико-коммуникативных аспектов: замена живого общения на формальное онлайн-взаимодействие 48,0%; этические дилеммы (конфиденциальность, цифровой след) 45,2%; стирание границ между личным и рабочим временем 42,5%.

В своих прогнозах на ближайшие 5 лет почти половина 46% из респондентов представляют свой рабочий день в гибридном или удалённом формате, что отражает ожидание глубокой интеграции цифровых инструментов в будущую профессиональную деятельность.

Таким образом, будущие специалисты по работе с молодёжью демонстрируют высокий уровень включенности в цифровую среду и в целом позитивно оценивают свои компетенции. Профессиональная идентичность находится в состоянии трансформации: традиционные ценности (общение, эмпатия, предметные знания) сохраняют центральное положение, но активно

дополняются цифровыми умениями и новыми профессиональными ролями. Основные профессиональные тревоги связаны не с технологиями как таковыми, а с их потенциальным воздействием на качество человеческих отношений и этические нормы профессии. Процесс формирования профессиональной идентичности в условиях цифровой трансформации требует усиления практико-ориентированной и этико-рефлексивной составляющих в подготовке кадров, а также учёта индивидуальных траекторий адаптации и мотивации студентов.

Данные результаты создают эмпирическую основу для разработки конкретных рекомендаций по модернизации образовательных программ и психолого-педагогического сопровождения будущих специалистов.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Влияние цифровой трансформации на формирование профессиональной идентичности бакалавров и магистров социально-гуманитарных наук исследуется на уровне высшего образования. В частности S. Thamri отмечает, что цифровая трансформация и её аспекты влияют на профессиональную идентичность студентов университетов, поскольку аспекты цифровой трансформации (стратегия, организационная культура, безопасность и законодательные требования, технологические требования, кадровые требования) в совокупности определяют изменения, происходящие в работе университетов [19].

Мы согласны с Z. Zhu и др. авторами, что — цифровая трансформация в сфере высшего образования «это действительно процесс применения цифровых технологий в экосистеме университета» [20, с. 4]. Полученные нами данные согласуются с мнением J. Tang 2025, который рассматривает цифровую трансформацию «как сложный, динамичный процесс непрерывного развития, основанный на симбиотическом сосуществовании и коэволюции технологических и образовательных экосистем университета» [21, с. 14].

Многие университеты мира организуют повышение квалификации, предлагают обучение цифровым сервисам преподавателей и студентов. В Университете Цинхуа внедрена система Smart Campus с использованием платформы Rain Classroom, которая объединяет аналитику обучения на основе искусственного интеллекта и персонализированную обратную связь для развития цифровых навыков, как преподавателей, так и студентов. Университет проводит семинары по цифровой грамотности, на которых сотрудники и студенты учатся не только пользоваться технологиями, но и этично взаимодействовать с цифровым миром. Мельбурнский университет запустил Стратегию цифрового обучения, направленную на повышение квалификации сотрудников с помощью программ профессионального развития, которые помогают им внедрять цифровые инструменты в свою преподавательскую деятельность. Они также внедрили инфраструктуру цифрового образования, которая включает в себя обширную платформу для онлайн-обучения и цифровые ресурсы, которые помогают студентам и преподавателям адаптироваться к новым условиям обучения [22, с. 3].

В этих образовательных моделях Университет Цинхуа и Мельбурнский университет реализуются цифровые технологии, формирующие общую экосистему. В целом можно выделить различные классификационные группы цифровых технологий: 1) технологические, основаны на использовании новых цифровых технологий; 2) организационные, цифровые технологии требуют изменение организационных процессов или создание новых бизнес-моделей; 3) социальные, социальные технологии [23].

Диджитал-технологии способствуют практическому и творческому подходу к образованию бакалавров социальной работы и работы с молодежью. Внедрение новых дидактических моделей для обучения студентов и преподавания, таких как цифровое совместное обучение, виртуальная реальность способствуют индивидуальной профессионализации выпускников [24].

Студенты являются основными субъектами обучения. В эпоху цифровых технологий у них появились новые роли, а цифровые технологии позволили разнообразить процессы обучения и механизмы обратной связи с преподавателями [25].

Субъектный подход к реализации цифровой трансформации способствует активности студенчества в получении цифровых компетенций и обеспечивает их профессиональную идентичность.

Ограничивает формирование профессиональной идентичности студента и его цифровых компетенций низкая активность студенчества, личные барьеры (связанные с уровнем владения технологиями) и трудности в преподавании и обучении [26, с. 456].

Преподаватели высших учебных заведений в процессе цифровой трансформации должны переосмыслить свою профессиональную идентичность, перейдя от традиционной роли учителя к более широкой и динамичной роли наставника [27]. Это условие будет способствовать профессиональной идентичности будущих специалистов по работе с молодежью.

Цифровая трансформация изменила географические границы образования, что привело к появлению концепции глобализации образования. Благодаря онлайн-платформам и международному сотрудничеству университеты могут выходить за рамки национальных границ, расширяя компетенции будущих специалистов по работе с молодежью [28, с. 1271].

В частности, J. Castillo de Mesa, отмечает, что выпускники факультетов социальной работы и социальная работа (как дисциплина) не могут оставаться в стороне от этого явления, особенно когда речь идет о росте социальной активности в социальных сетях. В основном это связано с тем, что социальные сети способствуют одному из основных направлений социальной работы — выстраиванию отношений. Аддамс, основоположница социальной работы, придавала большое значение построению и улучшению социальных связей между людьми как способу преодоления трудностей. Поэтому, организации, занимающиеся социальной работой, такие как Национальная ассоциация социальной работы, призывают социальных работников приобретать необходимые цифровые навыки. Это способствует применению ими цифровых инструментов для решения социальных проблем и расширения прав и возможностей молодежи [28].

Цифровые навыки у будущего бакалавра, работающего с молодежью, можно анализировать и классифицировать на разных уровнях. Один из таких уровней — операционные навыки. Эти навыки связаны со знаниями, взаимодействием и использованием приложений и цифровых устройств. Ван Дейк определяет их как навыки, необходимые для работы с компьютерами, а в настоящее время и со смартфонами, а также с аппаратными и программными сетями [29, с. 221]. Цифровые навыки — это способность работать с огромным количеством доступных ресурсов, которые также называют гипермедиа [30, с. 11].

Таким образом, цифровые навыки необходимы студенту университета для поиска, отбора, обработки и применения цифровых средств и методик (цифровых игропрактик) для сопровождения молодежи, попавшей в трудную жизненную ситуацию.

Формирование профессиональной идентичности у студентов, получающих квалификацию специалиста по работе с молодежью и выходящих на рынок труда, имеет особое значение и является одной из задач учреждения высшего образования. Цель этого процесса — сформировать чувство удовлетворения, уверенности в себе и способности в решении новых задач, развитие когнитивных способностей, компетенции и рефлексивное обучение [31, с. 35]. Этот целевой компонент, возможно, достичь, привлекая зарубежные университеты, осуществляющие подготовку специалистов по работе с молодежью [32, с. 1271]. В частности, высока эффективность международного студенческого взаимодействия в Международных зимних студенческих школах, как в Костромском государственном университете на кафедре социальной работы (2025 — Ошский государственный университет, Республика Кыргызстан, 2026 — Харбинский инженерный университет, КНР).

Исходя из имеющейся практики формирования профессиональной идентичности будущих специалистов по работе с молодежью, можно определить алгоритм развития профессиональной идентичности студента в рамках образовательной программы.

На первом этапе необходимо провести сравнительный анализ рабочих учебных программ по социальным дисциплинам вузов-партнеров. Это явилось основой для заключения договоров о сотрудничестве между вузами и построению модели Зимней международной школы по социальной работе.

На втором этапе необходимо разработать и внедрить модуль курса «Интегративная работа с молодежью» для студентов бакалавриата в университетах вузов-партнеров. Цель этого курса —

повысить квалификацию студентов, обучающихся по социальным профессиям для комплексной и целостной работы с молодежью, осуществить обмен лучшими практиками работы с молодежью в странах вузов-партнеров. Этот курс может состоять из пяти разделов (молодежная политика; общие характеристики молодежи, социальная изоляция молодежи (пенитенциарная система, стационарные реабилитационные центры, детские дома); инклюзивное образование молодежи, занятость молодежи, социальное благополучие молодежи).

В процессе обучения студенты могут научиться конструировать социальные риски в жизни молодежи и подбирать методы их профилактики [33, с. 451].

Во время третьего этапа формирования профессиональной идентичности будущих специалистов по работе с молодежью происходит включение цифровых обучающих инструментов для изучения курса «Интегративная работа с молодежью».

На четвертом этапе студенты вузов-партнеров в Зимней международной школе представляют результаты обучения по дисциплине «Интегративная работа с молодежью» (свое цифровое портфолио, социальный проект, видеоролик, отражающие практики социальной работы с молодежью).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило, что цифровая трансформация выступает комплексным и многоуровневым фактором, оказывающим глубокое влияние на процесс формирования профессиональной идентичности будущих специалистов по работе с молодежью. Опираясь на процессуально-динамический подход О.В. Лукьянова, согласно которому идентичность представляет собой целостный, развивающийся феномен в ходе диалектического взаимодействия личности и среды, можно утверждать, что профессиональная идентичность находится не в состоянии замены, а в процессе активной трансформации. Вопреки ожиданиям о возможном вытеснении традиционных ценностей, ядро идентичности сохраняет свою гуманистическую основу, выраженную в приоритете навыков живого общения, эмпатии и предметных знаний. Однако это ядро активно дополняется и модифицируется под воздействием цифровых реалий, интегрируя в себя новые компетенции и профессиональные роли, востребованные в цифровой среде.

Рассматривая влияние через призму структурно-компонентной модели, становится очевидным, что цифровая трансформация детерминирует новые требования ко всем элементам формирующейся идентичности: к когнитивному (необходимость знаний в области цифровой безопасности, аналитики данных), эмоциональному (отношение к новым цифровым ролям, тревоги, связанные с этикой) и поведенческому (активное освоение цифровых инструментов, практики гибридного взаимодействия) компонентам. Эмпирические данные выявили, что ключевым вызовом для образовательной системы является неготовность студентов к полноценному выполнению этих новых цифровых функций, несмотря на их высокую самооценку базовых цифровых навыков. Фрагментарность включения цифровой проблематики в учебные планы, акцент на инструментальные, а не на этико-рефлексивные и проектные аспекты цифровизации создают разрыв между быстро меняющимися требованиями профессии и содержанием подготовки.

Таким образом, процесс формирования профессиональной идентичности в современных условиях следует рассматривать как динамичный синтез традиционного и цифрового, где успешность будущего специалиста определяется способностью гармонично интегрировать гуманистические ценности с цифровыми технологиями. Многомерное понимание цифровой трансформации (охватывающее инструменты, эффекты, направления и радикальность изменений) указывает на необходимость системного ответа со стороны образования. Профилактика рисков цифровизации (замена живого контакта, этические дилеммы, цифровая зависимость) и развитие гибких над-профессиональных компетенций должны стать центральными задачами модернизации образовательных программ. Это требует перехода от фрагментарного включения цифровых тем к проектированию целостной, практико-ориентированной и ценностно-насыщенной образовательной среды, способной подготовить специалиста, который не только адаптируется к цифровой трансформации, но и сможет выступать ее ответственным субъектом в интересах молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. UN Youth Strategy «Youth 2030». UN General Assembly, New York, 2018. 13 p.
2. Pact for the Future. UNO General Assembly, New York, Resolution adopted by the General Assembly on 22 September 2024 <https://www.un.org/en/summit-of-the-future/pact-for-the-future> (accessed January 2026)
3. Обновленная Декларация по молодежной политике и программам «Лиссабон + 21». Всемирная конференция министров по делам молодежи. Лиссабон, 2019. 7 с.
4. Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж, 2023. 30 с.
5. Зинич А. В., Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ревякина Ю. Н. Молодежь в мире профессий будущего: позиционирование и профессиональная идентичность // Society and Security Insights. 2023. Т. 6. № 3. С. 129–143. DOI: 10.14258/SSI(2023)3-07
6. Косенчук Л. Ф. Сущность идентичности и основные подходы к ее исследованию // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 223–225.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. Москва: Флинта, 342 с.
8. Мещерякова Е. М. Психология личности: идентичность и временная перспектива : учебное пособие. Санкт-Петербург: Научное издание, 2025. 143 с.
9. Лукьянов О. В. Готовность быть: введение в транстемпоральную психологию. Москва: Смысл, 2009. 231 с.
10. Стрелкова Ю. Ю., Емельянова С. В. Исследование феномена профессиональной идентичности в различных направлениях психологической науки // Проблемы современного педагогического образования. 2019. №63. С. 257–265.
11. Лубовский Д. В., Шнейдер Л. Б. Соотношение профессиональной идентичности и внутренней позиции студентов в высшем образовании // Мир психологии. 2025. № 1 (120). С. 169–181. DOI: 10.51944/20738528_2025_1_169 (accessed January 2026)
12. Бермус А. Г. Профессиональная идентичность педагога в эпоху искусственного интеллекта: к построению исследовательской программы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2025. Т. 22. № 4. С. 389–399. DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-4-389-399 (accessed January 2026)
13. Темников А. О. Современные подходы к определению термина «цифровая трансформация» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 222–229. DOI: 10.23672/SAE.2023.22.28.001 (accessed January 2026)
14. Сурина А. В., Мироненко В. Б. История развития и современные понятия цифровой трансформации // Сборник научных трудов Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. 2024. С.184–193.
15. Василенко Л. А., Мещарилова Н. Н. Социология цифрового общества: монография. Томск: Изд-во: Томский политехнический университет, 2021. 226 с.
16. Бродовская Е. В., Добровская А. Ю., Парма Р. В., Синякова А. В., Азаров А. А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 228 – 251. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11
17. Сахарова Т. Н., Тамарская Н. В., Стремилова О. В., Батаева М. Д. Стратегии компетентностного развития специалистов по работе с молодежью // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 26 – 32. DOI: 10.20323/1813-145X-2021-2-119-26-32 (accessed January 2026)
18. Розенберг Н. В. Информационные технологии и ценностные приоритеты молодежи: новые тренды и риски // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2025. № 1(108). С. 78–89.
19. Dakhane H. The Mechanizm of Digital Transformation in Higher Education: University of M'sila Case Study. Journal of Economics and Rural Development. 2025. Vol. 5. No 1. P. 42 – 57.
20. Zhu Z., Hu J. Exploring the essence of digital transformation in education and its research prospects. China. Education Technology. 2022. Vol. 4. P. 1–8.
21. Tang J., Huang P., Yan S. Digital transformation in higher education: logical framework, practical dilemmas, and implementation approaches. 2025. Frontiers in Psychology. Vol. 16. P. 1–16. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1565591 (accessed January 2026)
22. Selkrig M., Dulfer N., Harrison M., Smith C., Cochrane T., McKernan A. Keeping it human: Learning design in the digital age. The University of Melbourne. 2023. Faculty of Education: Melbourne, Australia. N 6. P. 3-29. DOI: 10.1080/07294360.2023.2293192 (accessed January 2026)
23. Kaputa V., Loucanova E., Tejerina G. F. Digital Transformation in Higher Education Institutions as a Driver of Social Oriented Innovations. 2022. Social Innovation in Higher Education. Edition: Innovation, Technology, and Knowledge Management Chapter: 4 Publisher: Springer. P. 61-5. DOI:10.1007/978-3-030-84044-0_4 (accessed January 2026)

24. Abad-Segura E., González-Zamar M. D., Infante-Moro J. C., Ruipérez García G. Sustainable Management of Digital Transformation in higher education. *Global research trends*. 2020. Sustainability. Vol. 12. N 5. P. 2-24. DOI:10.3390/su12052107 (accessed January 2026)
25. Jackson N. C. Managing for competency with innovation change in higher eucation: examining the pitfalls and pivots of digital transformation. 2019. *Business Horizons*. Vol. 62. N 5. P. 761–772. DOI:10.1016/j.bushor.2019.08.002 (accessed January 2026)
26. Qureshi F., Khawaja S., Zia T. Mature Undergraduate Students' Satisfaction with Online Teaching during the COVID-19. 2020. *European Journal of Education Studies*. Vol. 7. N 12. P. 456-475. DOI: 10.46827/ejes.v7i12.3440 (accessed January 2026)
27. Røe Y., Wojniusz S., Bjerke A. H. The Digital Transformation of Higher Education Teaching: Four Pedagogical Prescriptions to Move Active Learning Pedagogy Forward. 2021. *Frontiers in Psychology*. Vol. 6. P. 1-6. DOI: 10.3389/feduc.2021.784701 (accessed January 2026)
28. Castillo de Mesa J., Gómez-Jacinto L., López Peláez A., Erro-Garcés A. Social Networking Sites and Youth Transition: The Use of Facebook and Personal Well-Being of Social Work Young Graduates. 2020. *Front. Psychol.* Vol. 11. P. 1-9. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00230 (accessed January 2026)
29. Van Dijk J. Digital divide research. Achievements and shortcomings. 2006. *Poetics*. Vol. 34. P. 221-235. DOI:10.1016/j.poetic.2006.05.004 (accessed January 2026)
30. Lee C. H. M., Cheng Y. W., Rai S., Depickere A. What affect student cognitive style in the development of hypermedia learning system? 2005. *Computers & Education*. Vol. 45. P. 1-19. DOI:10.1016/j.compedu.2004.04.006 (accessed January 2026)
31. Sawicki K., Żyłkiewicz-Płońska E. Internationalisation of Higher Education Curriculum as a Strategy for Preparing Future Youth Workers. 2023. *Polish Journal of Educational Studies*. Vol. 74. N 1. P. 31-44. DOI:10.2478/poljes-2022-0004 (accessed January 2026)
32. Xinyue Y., Cheng Y. Digital Transformation of Higher Education: Trends, Innovation Models and Strategic Paths. 2025. *Pakistan Journal of Life and Social Sciences*. Vol. 23. N 1. P. 1271-1289. DOI: 10.57239/PJLSS-2025-23.1.00100 (accessed January 2026)
33. Austen, L. The social construction of risk by young people. *Health. 2009. Risk & Society*. Vol. 11. N 5. P. 451-470. DOI:10.1080/13698570903183871 (accessed January 2026)

REFERENCES

1. UN Youth Strategy «Youth 2030». UN General Assembly, New York, 2018. 13 p.
2. Pact for the Future. Resolution adopted by the General Assembly on 22 September 2024. UN General Assembly, New York, 2024. Available at: <https://www.un.org/en/summit-of-the-future/pact-for-the-future> (accessed January 2026).
3. Lisbon+21 Updated Declaration on Youth Policies and Programmes. World Conference of Ministers Responsible for Youth. Lisbon, 2019. 7 p.
4. UNESCO. Guide on Educational Policy. Paris, 2023. 30 p.
5. Zinich A. V., Maksimova S. G., Omelchenko D. A., Revyakina Yu. N. Youth in the world of professions of the future: positioning and professional identity. *Society and Security Insights*, 2023, vol. 6, no. 3, pp. 129–143. DOI: 10.14258/SSI(2023)3-07 (accessed January 2026). (in Russ.)
6. Kosenchuk L. F. The essence of identity and the main approaches to its study. *Theory and practice of social development*, 2014, no. 16, pp. 223–225. (in Russ.)
7. Erikson E. Identity: youth and crisis. Moscow, Flinta Publ., 2006. 342 p. (in Russ.)
8. Meshcheryakova E. M. Psychology of personality: identity and time perspective: study guide. Saint-Petersburg, Naukoemkie tekhnologii Publ., 2025. 143 p. (in Russ.)
9. Lukyanov O. V. Readiness to be: an introduction to transtemporal psychology. Moscow, Smysl Publ., 2009. 231 p. (in Russ.)
10. Strelkova Yu. Yu., Emelyanova S. V. Research of the phenomenon of professional identity in various areas of psychological science. *Problems of modern pedagogical education*, 2019, no. 63, pp. 257–265. (in Russ.)
11. Lubovsky D. V., Shneider L. B. The correlation of professional identity and the internal position of students in higher education. *World of psychology*, 2025, no. 1 (120), pp. 169–181. DOI: 10.51944/20738528_2025_1_169 (accessed January 2026). (in Russ.)
12. Bermus A. G. Professional identity of a teacher in the era of artificial intelligence: towards building a research program. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of education*, 2025, vol. 22, no. 4, pp. 389–399. DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-4-389-399 (accessed January 2026). (in Russ.)
13. Temnikov A. O. Modern approaches to defining the term "digital transformation". *Humanitarian, socio-*

- economic and social sciences*, 2023, no. 3, pp. 222–229. DOI: 10.23672/SAE.2023.22.28.001 (accessed January 2026). (in Russ.)
14. Surina A. V., Mironenko V. B. History of development and modern concepts of digital transformation. *Collection of scientific works of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*, 2024, pp. 184–193. (in Russ.)
 15. Vasilenko L. A., Meshcharikova N. N. Sociology of digital society: monograph. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2021. 226 p. (in Russ.)
 16. Brodovskaya E. V., Dobrovskaya A. Yu., Parma R. V., Sinyakova A. V., Azarov A. A. The influence of digital communications on the formation of professional culture of Russian youth: results of a comprehensive applied research. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2019, no. 1, pp. 228–251. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11 (accessed January 2026). (in Russ.)
 17. Sakharova T. N., Tamarskaya N. V., Stremilova O. V., Bataeva M. D. Strategies for competence development of youth work specialists. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2021, no. 2 (119), pp. 26–32. DOI: 10.20323/1813-145X-2021-2-119-26-32 (accessed January 2026). (in Russ.)
 18. Rozenberg N. V. Information technologies and value priorities of youth: new trends and risks. *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kultura*, 2025, no. 1(108), pp. 78–89. (in Russ.)
 19. Dakhane H. The Mechanizm Of Digital Transformation In Higher Education: University Of M'sila Case Study. *Journal of Economics and Rural Development*, 2025, vol. 5, no. 1, pp. 42–57.
 20. Zhu Z., Hu J. Exploring the essence of digital transformation in education and its research prospects. *China. Education Technology*, 2022, vol. 4, pp. 1–8.
 21. Tang J., Huang P., Yan S. Digital transformation in higher education: logical framework, practical dilemmas, and implementation approaches. *Frontiers in Psychology*, 2025, vol. 16, art. no. 1565591, pp. 1–16. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1565591 (accessed January 2026).
 22. Selkrig M., Dulfer N., Harrison M., Smith C., Cochrane T., McKernan A. Keeping it human: Learning design in the digital age. *Higher Education Research & Development*, 2023, pp. 1–27. DOI: 10.1080/07294360.2023.2293192 (accessed January 2026).
 23. Kaputa V., Loucanova E., Tejerina G. F. Digital Transformation in Higher Education Institutions as a Driver of Social Oriented Innovations. In: *Social Innovation in Higher Education. 2022. Innovation, Technology, and Knowledge Management*. Cham: Springer, pp. 61–75. DOI: 10.1007/978-3-030-84044-0_4 (accessed January 2026).
 24. Abad-Segura E., González-Zamar M. D., Infante-Moro J. C., Ruipérez García G. Sustainable Management of Digital Transformation in higher education. Global research trends. *Sustainability*, 2020, vol. 12, no. 5, art. no. 2107, pp. 1–24. DOI: 10.3390/su12052107 (accessed January 2026).
 25. Jackson N. C. Managing for competency with innovation change in higher education: examining the pitfalls and pivots of digital transformation. *Business Horizons*, 2019, vol. 62, no. 5, pp. 761–772. DOI: 10.1016/j.bushor.2019.08.002 (accessed January 2026).
 26. Qureshi F., Khawaja S., Zia T. Mature Undergraduate Students' Satisfaction with Online Teaching during the COVID-19. *European Journal of Education Studies*, 2020, vol. 7, no. 12, pp. 456–475. DOI: 10.46827/ejes.v7i12.3440 (accessed January 2026).
 27. Røe Y., Wojniusz S., Bjerke A. H. The Digital Transformation of Higher Education Teaching: Four Pedagogical Prescriptions to Move Active Learning Pedagogy Forward. *Frontiers in Education*, 2021, vol. 6, art. no. 784701, pp. 1–6. DOI: 10.3389/feduc.2021.784701 (accessed January 2026).
 28. Castillo de Mesa J., Gómez-Jacinto L., López Peláez A., Erro-Garcés A. Social Networking Sites and Youth Transition: The Use of Facebook and Personal Well-Being of Social Work Young Graduates. *Frontiers in Psychology*, 2020, vol. 11, art. no. 230, pp. 1–9. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00230 (accessed January 2026).
 29. Van Dijk J. Digital divide research. Achievements and shortcomings. *Poetics*, 2006, vol. 34, no. 4–5, pp. 221–235. DOI: 10.1016/j.poetic.2006.05.004 (accessed January 2026).
 30. Lee C. H. M., Cheng Y. W., Rai S., Depickere A. What affect student cognitive style in the development of hypermedia learning system? *Computers & Education*, 2005, vol. 45, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.1016/j.compedu.2004.04.006 (accessed January 2026).
 31. Sawicki K., Żyłkiewicz-Płońska E. Internationalisation of Higher Education Curriculum as a Strategy for Preparing Future Youth Workers. *Polish Journal of Educational Studies*, 2023, vol. 74, no. 1, pp. 31–44. DOI: 10.2478/poljes-2022-0004 (accessed January 2026).
 32. Xinyue Y., Cheng Y. Digital Transformation of Higher Education: Trends, Innovation Models and Strategic Paths. *Pakistan Journal of Life and Social Sciences*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 1271–1289. DOI: 10.57239/PJLSS-2025-23.1.00100 (accessed January 2026).
 33. Austen, L. The social construction of risk by young people. *Health, Risk & Society*, 2009, vol. 11, no. 5, pp. 451–470. DOI: 10.1080/13698570903183871 (accessed January 2026).

Авторы**Веричева Ольга Николаевна**

(Россия, Кострома)

Доцент, кандидат педагогических наук, заведующий
кафедрой социальной работы

Костромской государственной университет

E-mail: overicheva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4870-3886

Scopus Author ID 58557178000

Бойцова Светлана Владимировна

(Россия, Кострома)

Доцент, кандидат педагогических наук,
доцент социальной работы

Костромской государственной университет

E-mail: boyzova_s@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7999-927X

Румянцев Юрий Викторович

(Россия, Кострома)

Доцент, кандидат педагогических наук,
доцент социальной работы

Костромской государственной университет

E-mail: rum_kpn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2607-6084

Скрябина Ольга Борисовна

(Россия, Кострома)

Доцент, кандидат педагогических наук,
доцент социальной работы

Костромской государственной университет

E-mail: olga-skryabina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6575-395X

Authors**Olga N. Vericheva**

(Russia, Kostroma)

Associate Professor, Cand. Sci. (Educ.),
Head of the Department of Social Work

Kostroma State University

Email: overicheva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4870-3886

Scopus Author ID 58557178000

Svetlana V. Boytsova

(Russia, Kostroma)

Associate Professor, Cand. Sci. (Educ.),
Associate Professor of Social Work

Kostroma State University

Email: boyzova_s@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7999-927X

Yuri V. Rumyantsev

(Russia, Kostroma)

Associate Professor, Cand. Sci. (Educ.),
Associate Professor of Social Work

Kostroma State University

Email: rum_kpn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2607-6084

Olga B. Skryabina

(Russia, Kostroma)

Associate Professor, Cand. Sci. (Educ.),
Associate Professor of Social Work

Kostroma State University

Email: olga-skryabina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6575-395X

Вклад авторов**Веричева О. Н.:** концептуализация, методология,
создание рукописи и ее редактирование, руководство
исследованием**Бойцова С. В.:** проведение исследования,
администрирование проекта, получение финансирования**Румянцев Ю. В.:** верификация данных, проведение
исследования, создание черновика рукописи,
визуализация**Скрябина О. Б.:** проведение исследования, ресурсы,
администрирование данных, формальный анализ,
получение финансирования© Веричева О. Н., Бойцова С. В.,
Румянцев Ю. В., Скрябина О. Б., 2026

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Authors contribution**Olga N. Vericheva:** Conceptualization, Methodology,
Writing - Review & Editing, Supervision**Svetlana V. Boytsova:** Investigation, Project administration,
Funding acquisition**Yuri V. Rumyantsev:** Validation, Investigation,
Writing - Original Draft, Visualization**Olga B. Skryabina:** Investigation, Resources, Data Curation,
Formal analysis, Funding acquisition© Olga N. Vericheva, Svetlana V. Boytsova,
Yuri V. Rumyantsev, Olga B. Skryabina, 2026

The authors declared no conflicts of interest